

Arpentieva M.R.

FABULOUS METAPHORS: SIGNALS AND TRIGGERS THE CHANGES

Arpentieva M.R., Russian Federation, senior researcher of the department of development and education psychology, Tsiolkovskiy Kaluga State University, doctor of psychological Sciences, associate professor

Abstract

The article is devoted therapy tales as one of the most productive methods of psychotherapeutic work with adults, in particular, the work aimed at development of the person, his manhood, adulthood. The fairytale is multi-dimensional and multi-component phenomenon in which actors live in several spaces and times, the number of overlapping worlds, changing their understanding of themselves, others, and situations of interaction. Therefore, in the work with fairy tales special attention should be paid to the combination of diachronic and synchronic analysis: the behaviour change and the essence of the characters' actions at different stages of their life paths, in different worlds and times. Particular attention in this context should be given to metaphors – indicating worlds and times, and also accomplished or planned transitions between worlds and times. Metaphors act as a bright signal and triggers changes. Metaphor – a fetus or indication of intention, followed the heroes on the way to ourselves, to each other and to God, to happiness and to resolve the crisis. On the way to permit the patient to overcome the alienation from ourselves and the world, Liminality. He learns to comprehend changes in ourselves and the world, recognizing their existence and right to change. The recognition itself and the other patient in the tale, the recognition of themselves and each other characters of fairy tales, their self-understanding and understanding of others – processes that can be practically parallel. Condition is semantic resonance: in the process of studying tales in the inner world of man is the search for similar content between writing a story and their life world: a fragment of his image of the world resonates with the fragment of the fairy world, there is a semantic (meaning) resonance, due to which «unpacked», appears new, productive and more accurate understanding of what is happening. «Trans-derivational search» – search matching the current situation of the patient and the fragments of the «fabulous» experience. It is through

semantic resonance, which is usually accompanied by a feeling of clarity (recognition and clarification, de-centration and re-centration, etc.). When entering in resonance, the fragments of experience or an image of the world that relate to the problems or goals of the person, patient experienced the importance of the situation and experience, uncovering the hidden meanings of the levels being previously available to his understanding, a new metaphor – the harbingers and forerunners of new paradigms of life, is the formation of new, more productive role models.

Keywords: weak signals, metaphors, triggers of the development, markers of change, tale therapy, growing up, adulthood, life path, neoplasm, regulatory crises, quasi-regulatory crises.

Введение

Сказка - многомерный и многокомпонентный феномен, герои которого живут в ряде пространств и времен, ряде пересекающихся друг с другом миров, меняющих их осмысление себя, других и ситуаций взаимодействия. Поэтому в работе со сказками особое внимание нужно уделять совмещению диахронического и синхронического анализа: изменению моделей поведения и сущности поступков героев на разных этапах их жизненного пути, в разных мирах и временах. Особенно большое внимание в этом контексте следует уделять метафорам – обозначающим миры и времена, а также - свершающиеся или намечающиеся переходы между мирами и временами. Метафоры выступают как яркие сигналы и триггеры изменений. Каждая метафора – зародыш или обозначение интенции, которой следуют герои на пути к самим себе, друг другу и к Богу, к счастью и разрешению кризиса.

Раздел 1. Трансдеривационный поиск и осмысление перемен

На пути к разрешению пациент преодолевает отчуждение от себя и мира, лиминальность. Он учится осмыслять перемены в себе и мире, признавая их бытие и право на изменение. Узнавание себя и других пациентом в сказке, узнавание себя и друг друга героями сказки, их самопонимание и понимание других людей – процессы, которые могут быть практически параллельными. Условием является семантический резонанс: в процессе изучения сказки во внутреннем мире человека происходит поиск сходного содержания между сочиняемой сказкой и своим жизненным миром: фрагмент его образа мира резонирует с фрагментом сказочного мира, возникает семантический (смысловой) резонанс, благодаря которому «распаковывается», актуализируется новое, продуктивное и более точное понимание происходящего. «Трансдеривационный поиск» – поиск соответствия актуальной ситуации пациента и фрагментов «сказочного» опыта. Он осуществляется через смысловой резонанс, который, как правило, сопровождается чувством

понятности (узнавания и прояснения, децентрации и перецентрации и т. д.). Когда в резонанс вступают фрагменты переживаний или образа мира, которые соотносятся с проблемами или жизненными целями человека, пациентом переживается значимость ситуации и опыта, раскрытие сокровенных смыслов – уровней бытия, ранее недоступных его пониманию, возникают новые метафоры – предвестники и предшественники новых парадигм жизнедеятельности, происходит формирование новых, более продуктивных ролевых моделей.

Создание и коммуникация метафор пропорциональны открытости между сознательным и бессознательным у человека, в том числе, пациента и психотерапевта. Для пациента процессы метафорической коммуникации - важный способ и канал осмысления того, что запрещается, отчуждается по тем или иным причинам, и, будучи отчужденным, становится причиной нарушений. Для специалиста процессы метафорической коммуникации становятся часто почти единственным способом эффективной самопсихотерапии: на определенном этапе профессионального развития присвоение психотерапевтических мифов становится столь полным, что перестает быть продуктивным, тормозя осмысление нового опыта и развитие личности психотерапевта в целом. Чтобы преодолеть связанные с этим процессом неконструктивные способы самозащиты, сделать более подвижными выработанные в ходе предыдущего профессионального и общего жизненного опыта структуры-схемы и процессы-стратегии понимания себя и мира, становится необходимым метафорический язык, интегрирующий в себе ценностное отношение человека к себе и миру, а также способы воплощения этого отношения в реальной жизни – в процессе осмысления происходящего и общения с другим человеком. Метафоры в итоге становятся маркерами и триггерами перемен: ничто не действует порой так сильно, как метафора, примененная и/или уловленная общающимися. При этом ее понимание есть деконструкция полилога «слабых» и «сильных» голосов [21 и др.]. Каждая из возможных стратегий понимания – опирающаяся на сильные и/или слабые сигналы или голоса - выступает как совокупность способов понимания себя и другого человека, мира. При использовании и осмыслении метафор каждая стратегия выступает, с одной стороны, как относительно равноценная, позволяющая достигнуть той или иной – желаемой – глубины или «высоты» анализа феноменов внутреннего и внешнего миров и, с другой, как обладающая заведомо разным диалогическим и экологическим потенциалами. В психотерапии, особенно сказкотерапии, пациент имеет возможность оценить и освоить стратегию, поддерживающую «слабые» голоса, ориентированную на диалог, возвращающий человека к самому себе и к миру, помогающий принять перемены во всей их полноте, трансформировав интенции жизнедеятельности. В повседневности обычно

преобладают стратегии, эти голоса игнорирующие, в результате чего возникает монолог, и, вслед за ним, отчуждение человека от мира и самого себя, стремление препятствовать переменам, принимая лишь те их фрагменты, которые соответствуют имеющимся интенциям.

Вообще говоря, маркеры и триггеры перемен могут быть весьма интенсивными, эксплицитными, связанными и декларируемыми ценностями и целями пациента и/или его системы отношений. При этом они формируются в виде понятий, обладающих более или менее фиксированными социальными значениями и личностными смыслами. Они могут быть и слабыми, скрытыми, в том числе, связанными с имплицитно существующими, но до определенного момента не проявленными характеристиками системы. Они оформляются и возникают в диалоге с психотерапевтом и другими людьми в виде метафор. Метафоры – наиболее яркие сигналы – предвестники серьезных изменений во внутреннем и внешнем мире пациента, а также наиболее мощные триггеры этих изменений, позволяющие трансформировать внутренние интенции пациентов. Активная и точная идентификация и использование метафор не только позволяет прогнозировать «непрогнозируемое», но и вмешиваться в течение процессов, корректируя их с наименьшей затратой сил, ресурсов материального, психического и духовного типа. Их особенность заключается в том, что даже минимальные изменения параметров приводят к непропорционально значительным изменениям в поведении всей системы: эти сверхчувствительные зоны принято именовать «границами хаоса» [34].

Раздел 2. Между мирами: трансформации на границе пространств и времен

Однако, найти в окружающем мире «чистый хаос», сложно, также как сложно найти абсолютный порядок. Вместо ограниченной сложной адаптивной системы, окруженной хаосом, исследователи, как показали работы Г. Бейтсона, В. Лефевра, И. Пригожина и других, имеют перед собой безграничную сложную гетерогенную и адаптивную среду, которая похожа на бескрайнее «лоскутное одеяло», в котором сосуществуют несколько времен, несколько пространств. Отдельные «лоскуты» системы – области большей или меньшей гомеостатической устойчивости. Однако и сама «устойчивость» бывает, как минимум, двух видов: устойчивость порядка и покоя и устойчивость кризиса и беспорядка. Для простоты анализа исследователи выбирают первый случай, однако при изучении сложных систем с точки зрения перспектив их функционирования и развития, часто оказывается важнее второй. В немногих «дырках» этого лоскута (смысловых пробелах), а также на границах соприкосновений лоскутов, «ткань» того или иного фрагмента социальной и личностной реальности / сложной системы оказывается разорвана. Там присутствует

«относительно чистый» хаос как полная неопределенность: упорядочивающие силы здесь не действуют или действуют иначе, в том числе, в направлении увеличения хаоса. «Границы хаоса» можно назвать «границами порядков»: они находятся на стыках лоскутов, в местах соединения и взаимодействия областей упорядоченности и гомеостатической устойчивости [6, 19, 21]. В этих стыках происходит конфликт и взаимодействие двух (или большего числа) соседних порядков: находящиеся в них «точки» личностной или социальной реальности попадают под конфликтующее влияние одновременно двух или нескольких гомеостатических систем, что создает в них особую «напряженность», сравнимую с напряженностью пограничного перехода между двумя враждебно настроенными странами: один порядок противоречит, враждебен другому, а там, где два порядка соприкасаются, возникает напряжение и пристальное взаимное внимание, развивается непропорциональная чувствительность даже к незначительным событиям («провокациям»). Здесь проявляются нелинейные, рекурсивные характеристики, на которые указывал один из создателей теории сложных систем Эд. Лоренц: их способность быть сверхчувствительными в определенных областях, стремясь к «странным аттракторам» вместо «логически объяснимых» [19, 32, 35]. Эти зоны можно назвать пограничными или мерцающими, подчиняющимися описанному Эд. Лоренцем эффекту бабочки. Эффект бабочки обозначает свойство некоторых хаотичных систем: незначительное влияние на систему может иметь большие и непредсказуемые последствия где-нибудь в другом месте и в другое время. Социальная и личная реальность – это мир смыслов и значений. Они взаимодействуют, трансформируются, усиливают свою энергию и теряют её – ведут себя похоже на частицы, из которых сложена физическая реальность. «Лоскуты» социальной и личностной реальности, области порядка в ней, – дрейфующие устойчивые структуры значений и смыслов разного уровня: конгломераты переживаний и осознаний, которые образуют самостоятельные и самоподдерживающиеся структуры – концепции себя и мира, в зависимости от масштаба и содержания проявляющиеся как стереотипы взаимодействия людей и групп, научные теории или социальные мифы, языки и комплексы профессиональных, национальных и т. д. знаний и умений.

Общими характеристиками областей порядка, согласно Р. Уфимцеву, являются: адаптируемость; устойчивость; стремление к экспансии как освоению доступного пространства; подверженность фазам жизненного цикла, длительность фаз которого варьирует в зависимости от масштаба и содержания структуры, обычно включая фазы: фазу зарождения «ключевых идей», «ядра», бурного развития и захвата новых областей в результате адаптации к широкому спектру условий (фазу

активной экспансии), фазу обороны от конкурирующих структур и фазу столкновения с изменившимися внешними условиями и распада [21]. Общими характеристиками «мерцающих зон» или «областей столкновения порядков» являются дезадаптивность, неустойчивость/изменчивость, нестабильность жизненного цикла и способность усиливать или ослаблять экспансии «зон порядка». В пограничных зонах или «швах» между «лоскутами» социальной реальности области порядка активно сталкиваются, возникают уникальные свойства «мерцающих зон». Например, «сверхчувствительность» когнитивных структур к своей периферии, «чувствительность к проблемам» этой периферии, а, значит, и всего «лоскута» – понятия, концепции, процентируемых и (ре)конструируемых ими социальных феноменов и объектов т. д. [5, 8, 21].

Особенность «мерцающих зон» в процессе жизнедеятельности и, в том числе, взаимопонимания психотерапевта и пациента и иных процессов повседневных и профессиональных отношений в том, что они крайне редко образуют границу между областью «полного порядка» и «полного хаоса», обычно располагаясь на границе нескольких порядков. При этом в дискурсе любого взаимодействия присутствует два вида механизмов:

1) механизмы, предназначенные для представления и фиксации понятий и концепций, а также связанных с ними областей социального порядка («значения» и «понятия»);

2) механизмы, существующие для взаимодействия, столкновения когнитивных структур и их совокупностей в «мерцающих зонах» («смыслы» и «метафоры»).

Метафоры обозначают наличие «мерцающих зон». Они, как и строгие понятия, могут обозначать одни и те же фрагменты реальности – одни и те же «мерцающие зоны». При этом они имеют разную «индикаторную ценность», раскрывающую смысл напряженности отношений между понятиями и концепциями в пограничной зоне, зоне «между». Общие признаки «индикаторной ценности» и разделенности метафор таковы: многократное повторение метафоры в различных обстоятельствах разными людьми; метафора повторяется не буквально, а видоизменяется с сохранением смысла; метафора распространяется в социальном [21].

Однако, помимо порожденных людьми искусственных метафор существуют и естественные метафоры, создаваемые потоком социально значимых событий и указывающие на «мерцающие зоны», существование которых еще не осознается и которые проявляются как «странные совпадения», «иронии судьбы», «джокеры», в практически не связанных как в пространстве, так и во времени между собой событиях –

синхронизмы как проявления коллективного бессознательного: сюжеты событий метафорически тождественны [1, 20, 22, 28]. Через синхронии внешне не связанных между собой событий, коллективное бессознательное «указывает» на появление «мерцающих зон» социальной реальности, в которой происходят значимые события.

Обычно слабые сигналы легко затеваются другими факторами, включая ожидания тех, кто пытается заниматься прогнозами. Они настолько малы, что легко прячутся среди более сильных, но irrelevantных факторов или считаются несущественными для статистических и логических экстраполяций. На самом деле, их обнаружение – детекция и правильное толкование – осмысление – могут стать вопросом успеха или поражения психотерапии.

Раздел 3. Выявление маркеров перемен и трансформация реальности

В стыках реальности, пограничных или «мерцающих зонах» находятся точки, наиболее эффективные и продуктивные с точки зрения осмысления сути затруднений развития и продуктивной трансформации реальности: воздействия могут производиться с более или менее целенаправленной режиссурой событий и фактов, имеющих метафорическое значение. Для увеличения вероятности и интенсивности нужного эффекта вмешательств в эти зоны, можно прибегать к методам повышения их «индикаторной ценности»: многократное использование языковой или событийной метафоры, ее варьирование с сохранением сути и широкое распространение контекстов применения языковых – искусственных или событийных – естественных метафор в социальном пространстве, например, «засевание» как многократное использование событийных и языковых метафор по «целевой» «мерцающей зоне».

Д. Мидоуз, ученица Дж. Форрестера [14, 23] рассматривает пределы кибернетического подхода к изучению сложных социальных систем. Дж. Форрестер уже в 60-х годах XX века начал моделировать и исследовать сложные социальные системы («системная динамика» – изучение и прогнозирование сложных систем методами компьютерного моделирования на основе кибернетических схематизаций). Он писал о наличии в этих системах «чувствительных точек», которые являются предпочтительными мишенями для вмешательств в сложные системы, позволяющими целенаправленно изменять поведение и состояние больших и сложных систем с минимальными потерями сил и средств [23]. Д. Мидоуз использовала термин, который принят у системных аналитиков – «точки приложения рычага» («leverage points»), которые также можно перевести как «чувствительные точки» – места в сложных системах, в которых даже небольшой сдвиг может привести к большим изменениям во всей системе. Она полагала, что люди часто интуитивно знают, где

располагаются чувствительные точки, но либо не уделяют ей внимания, либо пытаются давить на неё не в продуктивном для личности или группы направлении: возникают ошибки интуиции. Поэтому Дж. Форрестер называл эти точки «контр-интуитивными»: повседневная жизнь и ее интуиция подсказывает неверные движения, приводя к системному ухудшению проблемы [14]. В терминах метапознавательного подхода речь идет о том, что использование повседневных эвристик без рефлексии зон их применения часто приводит к ошибкам [2, 16].

В работе Д. Харриса и Ст. Цейслера о слабых сигналах как «приметах больших перемен» [31] раскрыт один из подходов к прогнозированию, основанный на представлении социальной реальности как сложной адаптивной системы, в которой проявляются так называемые слабые сигналы и разработке «усилителей слабых сигналов», помогающих понять их.

Классические прогнозы развития человека, перемен в его жизни, включая переменны в психотерапии, опираются на вполне логичное представление о том, что небольшие, слабые изменения обычно производят и небольшие результаты. Они недооценивают или просто игнорируют слабые сигналы, фокусируясь на показателях силы тенденций и вероятностей. Однако существует множество феноменов, которые не укладываются в статистические тенденции. Колебания на границе хаоса – богатая среда, в которой чаще всего можно обнаружить слабые сигналы: если научить человека или группы осознавать границу и балансировать между областями порядка, структурности и случайности, неопределенности, они получают преимущества понимать видеть и учитывать слабые сигналы и те тенденции, которые стоят за ними. Наиболее богатый источник слабых сигналов – периферия культуры: 1) междисциплинарное, межтрадиционное; 2) китчевое и симулируемое, псевдоискусство и псевдонаука; 3) вне-традиционное, акультурное, антинаука и анти-искусство. То есть, отвергаемое и запретное, необычное и редкое, лишенное цены – не стоящее ничего и бесценное, а также – волшебное, сказочное, именно поэтому сказкотерапия обладает наиболее значительным библиотерапевтическим потенциалом среди иных видов библиотерапии.

Согласно теории «усиления слабых сигналов» целенаправленный поиск слабых сигналов на границе хаоса – первый шаг их поиска. Второй шаг – осмысление слабых сигналов, которые не должно осуществляться методами, которыми понимают сильные тенденции: статистика и сортировка здесь непродуктивны. Промежуточная процедура их осмысления – «усилитель слабых сигналов» – помогающий «отфильтровывать» слабые сигналы от шума по их способности вызывать изменения в сложной адаптивной системе. Далее необходимо осмысление

того, насколько эти сигналы способны повлиять на «условия игры» (качественная оценка на уровне гипотез «что, если...»). Важно понимать, что слабый сигнал не сможет ничего изменить, если не входит в сложную адаптивную систему. Если идентифицированный сигнал обладает реальным потенциалом, возможностью изменить условия игры, нужно честно и тщательно рассмотреть препятствия, которые могут помешать слабому сигналу высвободить свою энергию [21].

Однако будущее дает о себе знать не в одном слабом сигнале, а в их сериях, распределенных в самых разных частях «мерцающих зон». Слабый сигнал в отличие от шума сочетается (часто необычно и непонятно) в себе ряд когнитивно значимых факторов, которые бессмысленно «перебирать» поодиночке и пытаться логически и линейно рассчитывать их потенциал.

Поэтому более продуктивна «рыбалка» и «дорога из хлебных крошек», описанная Э. Миндел [15]: простое ожидание «слабого сигнала» без намерения типологизировать его и создание пространства /изучение пространства его самоосуществления. Наиболее близко к нему «интегрирующее впечатление» относительно способов и стратегий понимания: все «крошки» картины важны, все они переносятся из «фона – периферии» в «центр-фигуру», все – обретают свой гештальт: там, где гештальту быть обретенным суждено, где за «слабым сигналом» стоит вся мощь назревшей трансформации системы, где слабость – обозначение порога, который человек, группа или социальный процесс, такой как взаимопонимание, должны перейти.

Методику «усилитель слабых сигналов», также как и методики «рыбалки» и «дороги из хлебных крошек», – можно использовать как средство для диалога и обучения: его применение позволяет прийти к обсуждению или осознанию и изучению «слепых пятен», выявить скрытые и потенциально ограничивающие понимание себя и мира понятия и концепции, парадигмы и т. д.

Кроме того, чтобы применять усилитель слабых сигналов и иные техники работы с метафорами, служащими индикаторами (маркерами) перемен, необходимо идентифицировать перспективу, помогающую искать слабые сигналы. Если это невозможно, то необходимо просто взять на вооружение представление о необходимости развивать «чувствительность к проблемам / сигналам», находясь в состоянии «активного слушания», в том числе:

- 1) неровностей «психологической фактуры», погрешностей и дыр (лакун) в сложной системе и ее проявлениях;
- 2) «утечек информации», блоков – сопротивлений и фасадов – барьеров взаимодействия;

3) повторяющихся и игнорируемых зон, понятий и концепций и т. д.;

4) обычных и необычных форм и содержаний взаимодействия,

5) открывающих как проблемы, так и способы решения проблем в функционировании и развитии системы.

Зоны неустойчивости («зоны мерцания») – границы хаоса, которые возникают на стыке устойчивых зон. В этих точках управляющие сигналы приходят из ряда устойчивых областей и вступают в нелинейные взаимодействия, «квазихаос». Именно в этих точках система весьма чувствительна и изменчива [21].

Области устойчивости – зоны устоявшихся и самоподдерживающихся коллективных представлений (значений) о себе и мире, неустойчивые зоны – это области «когнитивного мерцания», конфликта и трансформации различных смыслов. Чтобы найти слабые сигналы, нужно найти значимые вещи/события в пограничных областях – швах и стыках – устойчивых областей, которые характеризуются необычностью и асимметричностью, странными совпадениями и повторениями.

М. Шеффер и авторы [38] также рассматривают тему «ранние предупреждающие сигналы» критических переходов на модели из теории катастроф: они называют точку, когда система находится между двумя возможными равновесными состояниями, перескакивая от одной к другой под действием даже минимальных воздействий, точкой бифуркации или точкой фазового или критического перехода. По их мнению, существуют признаки приближения к этой точке:

1) Понижение сопротивляемости системы и ее «критическое замедление» – система длительно восстанавливается от различных флуктуаций и пертурбаций, в отличие от равновесной системы, незамедлительно возвращающейся в состояние гомеостаза и относительной изолированности).

2) Рост автокорреляции и вариабельности: случайные пертурбации начинают оставлять «длинный след», возникает «память» в истории состояний системы, в отличие от стабильной системы со «стохастическим процессом без памяти», в котором каждое следующее состояние «не помнит» ничего о предыдущем.

3) Несимметричность флуктуаций и мерцание (частый признак приближения к критическому переходу – нарастание асимметричности во флуктуациях системы, при котором разброс случайных отклонений в одну сторону от точки равновесия становится больше, чем в другую. Если воздействия весьма интенсивны, система может перейти в «мерцающее» состояние, когда она перемещается от одной области равновесия к другой,

флуктуируя вокруг двух альтернативных точек равновесия), возникновение «самоподобного» состояния системы и рост «пространственной когерентности».

Однако общие критерии найти при таком понимании трудно: «резкость» изменений, как и приравнивание переходных и кризисных событий к катастрофическим и быстропротекающим, ограничено, поскольку, как отмечалось выше, критические состояния могут быть основным состоянием системы. Согласно теории самоорганизующихся критических состояний естественная динамика сложных систем приводит их к критическим состояниям, поэтому неравновесные «критические» состояния более «типичны» и нормальны, чем выходы из критического состояния.

По мнению Р. Уфимцева, критическое состояние сложной системы может быть более точно связано с масштабной инвариантностью (фрактальностью) структур системы: когда структуры системы приобретают свойство «масштабной инвариантности», становятся самоподобными, тогда система находится в критическом/переходном состоянии, а то, что обозначило самоподобие и есть «слабый сигнал». Фрактал – типично рекурсивная модель, каждая часть которой повторяет в своем развитии развитие всей модели в целом и воспроизводится в различных масштабах без сильных изменений. Однако, изменения – внешне слабые – все же происходят, что в значительной степени может повлиять на осмысление происходящего. Самоподобный объект — объект, в точности или приближенно совпадающий с частью себя самого: целое приобретает ту же форму, что и одна или более частей. Размывание характерных пространственных и временных соотношений в системе и общее падение энергии – общие сигналы приближения к критическому переходу или состоянию [21, 38].

В метафорах единство диахронического и синхронического, жизненная диалектика, перипетии жизни «схватываются» особенно легко и гармонично: человек получает доступ к осмыслению ценности своего опыта – как для себя самого, так и для окружающих его людей. В психотерапевтическом общении, где бессознательное участвует почти неизбежно, метафорический язык сказки ценен по ряду причин [2, 3, 5, 9; 10]:

- Он более открыт для анализа и понимания. Здесь символика почти ни за что не прячется. Так, если пациент, практически «не выходящий из дома», сравнивает себя с улиткой или премудрым пескарем, он может весьма открыто описать свою жизненную позицию и ожидания. Дальнейший анализ уже становится не нужен: проведена тончайшая диагностика в терминах, понятных бессознательному психотерапевта, да и самого пациента.

Education Transformation Issues ISPC #4 2016

- Он мощнее в плане психотерапевтического вмешательства, проходящего от сознания психотерапевта к бессознательному пациенту и от бессознательного психотерапевта к бессознательному пациенту. Метафора «западает» в душу, вызывая самые разные процессы: обострение конфликта, катарсис, определение темы для собственных медитаций и размышлений, для обсуждения с близкими и «дальними».

- Он легче для понимания пациентом, поскольку, с одной стороны, «усыпляет» сознание, дает ему возможность расслабиться, с другой, приводит в действие те механизмы осознания и аспекты осмысления, которые в повседневности игнорируются пациентом.

- Он раскрывает «слабые сигналы» или маркеры перемен.

- Он может быть использован для создания перемен, как триггер.

По тем же причинам метафорический язык может быть и сложным для использования. Поскольку его употребление активизирует взаимодействие сознания и подсознания психотерапевта, а также активизирует процессы их взаимодействия у пациента, то пациент и психотерапевт невольно оказываются перед дилеммой: продолжать привычное самосоккрытие или пойти навстречу процессам самораскрытия – самим себе и партнерам.

Использование метафор в сказкотерапии связано с несколькими основными аспектами:

- 1) Метафоры позволяют осмыслить наиболее сложные, неполные или амбивалентные для пациента и психотерапевта аспекты проблемных отношений, в том числе, в контексте теории архетипов /архетипических структур, сформировать на основе их анализа более продуктивные в отношении того или иного периода (этапа) жизни человека в том или ином сообществе, и более осознанные ролевые модели, лежащие в их основе «парадигмы» понимания себя и мира;

- 2) Метафоры позволяют обнаружить и осмыслить грядущие перемены, а также оказать направленное воздействие на процесс изменений пациента.

Раздел 4. Архетипические метафоры в работе сказкотерапевта

Несмотря на огромное разнообразие сказок, в них выделяются основные этапы и моменты, присущие любой сказке и образующие алгоритм [9, 10, 11]: рождение героя, знакомство в обстоятельствами его рождения, семьей, сущностью (дурак или умный, нищий или король), жизнь в «отчем доме» (присвоение родительского опыта, понимания мира, построение отношения с миром, людьми – жизненных опор), расставание с родным домом (добровольное или вынужденное начало пути), выбор дороги (распутье и выбор, соответствующий цели пути), проверка (на

«доброе» или «злое сердце» – эгоизм или взаимопомощь), встреча с будущими помощниками (друзьями, способными помочь), борьба и победа (достижение цели пути и борьба с персонифицированным злом, в результате которой человек становится сильнее и мудрее или, напротив, поддается злу, слабеет), возвращение домой (трудности пути назад, встреча со скрытым злом, смерть при применении старого опыта), возрождение (смерть прошлого, иллюзий, инфантилизма, раскрытие новых творческих способностей, силы и мудрости, помощь друзей, победа внутри и снаружи), прибытие домой (изменившийся дом, изменившиеся отношения, помощь друзей и последние испытания, восстановление справедливости и корней, которые будут служить ему опорой в дальнейшей взрослой жизни), новый образ (изменение облика – трансформация: прощение, принятие мира, путь в новое будущее с «открытым сердцем»), свадьба или коронование (праздник победы, новые социальный статус, цели, большую ответственность).

Каждый этап имеет важное значение, образуя стадии, каждая из которых имеет свой смысл, который можно раскрыть, задав пациенту ряд вопросов [10, 11]: «О чем сказка? Каков основной смысл сказки? Кто главный герой (положительные и отрицательные качества)? К чему стремится? В чем основной конфликт? Каким образом герой пытается разрешить конфликт: активно, пассивно; сам или передает активность другому? Нуждается ли в помощи в решении вопросов, насколько групповым является решение (важность присутствие коллектива)? Каков способ решения: прямой агрессией, с позиции силы (достает меч и рубит голову) или хитростью (способность осмыслить ситуацию иначе, обернуть ее в шутку), волшебством (с использованием оберегающих предметов)? Почему герой совершает те или иные поступки? Зачем ему это нужно? Чего он хотел на самом деле? Что приносят его поступки другим людям (радость, горе, прозрение и др.)? Герой – разрушитель или созидатель? Что герой получил в результате? Достиг ли герой своих целей? Какова мораль сказки. Чему она научила? Как этот опыт может быть применен в жизни?»

Описание и проблемы выбора моделей поведения хорошо демонстрируют архетипические и иные типологии развития личности и ее отношений, в том числе, те, что описывают развитие человека и человеческих сообществ с точки зрения их принадлежности к определенным поколениям и социальным мифам.

Теория архетипов, созданная К. Г. Юнгом, за рубежом получила свое яркое развитие в типологиях Дж. Майерс-Бригс, Э. Шварца, Э. Берна, и других [1, 22, 24, 30, 39]. В настоящее время теория архетипов является действенным и эффективным инструментом для создания успешных брендов и рекламы, а также разработки инновационных направлений

психотерапевтической помощи, включая помощь сказкотерапевтическую. Опираясь на их работы, практики и теоретики часто выделяют ряд базовых моделей поведения и архетипов как систем отчасти противоречивых базовых потребностей (интенций), а также реализующих их комбинаций, например: Правитель (ES) – власть, статус, престиж, контроль и помощь; Герой (ET) – профессионализм, победа, предприимчивость, деньги и успех; Мудрец (IT) – ум и кругозор, объективность, логичность, знание жизни как мудрость; Искатель (IN) – поиск индивидуальности, свобода, реализация, открытие тайн, постижение себя и мира; Ребенок (EN) – радость жизни, веселье, беззаботность, новые возможности, любовь к миру; Любовник (EF) – привлекательность, сексуальность, страстность, чувственность, стремление общности; Славный малый (IF) – доброта, душевность, верность, мораль, дружба, честность; Хранитель (IS) – комфорт, расслабление, покой, наслаждение, восстановление сил, забота. Часто выделяемые архетипические структуры можно классифицировать, используя три измерения: «экстраверсия» – «интроверсия», «логика» – «этика», «сенсорика» – «интуиция». Связи каждой из осей с другими дают множество вариантов [1, 13, 17, 25, 30].

В России заслуживает особого внимания развернутая типология архетипов, представленная в работах А. В. Чернышова, который, исследуя и анализируя сказки, выявил ряд персонажей, соответствующих архетипам: Мать (Мачеха), Богатырь, Левша, Царь, Кощей, Золотая рыбка, Солдат, Василиса Прекрасная, Дурак, Иван-Царевич, Черт, Баба-яга [26] (Таблица №2). Многие из этих архетипов, как видно из таблицы, сходны с архетипами К. Юнга и др. [27, 28]. Однако А. В. Чернышов [26], анализируя древние русские народные сказки и мифы, не обнаружил полных совпадений всех архетипов и названий, в частности, не нашел четко очерченного архетипа (идеального образа), который соответствовал бы архетипу Творчества. Несколько похожи на него выделенные А. В. Чернышовым архетипы Золотой рыбки и волшебные качества Василисы Прекрасной, творящие мир и чудеса. Творчество выступает как процесс воплощения проекта, мечты, представления, процесс превращения нестабильного воображаемого объекта в нечто материальное находит свое отражение в гораздо более поздней сказочной традиции, в авторской сказке и персонифицируется в таких образах русских умельцев из народа, как Левша Н.С. Лескова [12] или Данила-мастер П. П. Бажова [4]. При анализе сказок «сказочные» архетипы помогают расширять идентичность и сбалансировать разных интенции в отношениях пациента с собой и миром. Однако, не все архетипы сочетаются, что вызывает иногда внутренний или даже внешний конфликт, непонимание нужности того или иного вида поведения / отношения, нужности изменений и т.д. Архетип

может стать оформлением, способом реализации значимых или вероятно значимых для субъекта интенций: изменений, отношения или понимания [26, 27, 28]. Однако набор персонажей, повторяющихся в мифических и сказочных произведениях разных народов мира, не много, а привлекательных как социальная маска или роль – еще меньше. Кроме того, эти персонажи и связанные с ними ролевые маски должны быть социально приемлемыми. Обычно разрабатывающие теорию архетипов во многом выбирают пересекающиеся типологии, ограниченные и не вполне удобные: многие из них невозможно использовать без «поправок». Еще в самом начале их исследования К. Г. Юнг [27] писал о том, что область архетипов не ограничена, архетипы переходят друг в друга, а сам архетип есть определенная «тенденция к формированию репрезентации мотива». При этом архетипические структуры включают и положительные, и отрицательные черты, что вполне соответствует реальности человеческой жизни, но может образовывать преграды для понимания людьми друг друга, для изменений, делая происходящее между пациентами и психотерапевтом, пациентом и другими людьми, неоднозначным и размытым. При этом архетип как надкультурное понятие характерен для всего человечества, для каждого человека в той или иной мере. Поэтому обращение к архетипам не дает гарантий того, что их употребление будет эффективным, а использование архетипов самих по себе в психотерапии, – в достаточной мере побуждающим к трансформациям.

Однако, невозможно и непродуктивно игнорировать культурный контекст. Сказкотерапия может быть вполне успешна, продуктивная и эффективна, если использовать для поддержки и осуществления трансформаций не столько сами архетипы, сколько ролевые модели – некоторые эталонные (однозначные) совокупности поведенческих шаблонов, которые обладают типовыми характеристиками и выступают как образцы для подражания. Ролевая модель, как и архетип, обладает надкультурным значением, однако, она необязательно обращена к коллективному бессознательному и входит в процессе социализации человека в той или иной мере полно и интенсивно, в зависимости от особенностей культурного контекста. В каждой культуре ролевые модели имеют особые и общие черты. Главное в них – возможность формирования эталонного образца и важного, с точки зрения психотерапевтического процесса, оформления стереотипа носителя иного ролевого поведения. Ролевая модель значима как конкретный способ осуществления мотива, и, более широко, самовыражения человека, обозначения его жизненных убеждений в конкретном контексте жизнедеятельности. Ролевую модель, применимую в психотерапии, можно рассматривать как потенциальный образ, который человек, возможно, имеет желание играть, то есть демонстрировать окружающим

людям. И она может стать основой нового способа жизни. При этом ролевые модели, в отличие от архетипов, по мнению исследователей, можно классифицировать на основе сопоставления с базовыми мотивами жизнедеятельности. Ролевые модели отвечают различным ситуациям жизни и, что важно, не имеют конфликтов с культурным контекстом, поскольку могут применяться в качестве специфических, и в качестве надкультурных, но обладающих специфическим воплощением в конкретной культурной среде.

Раздел 5. Развитие метафор - модели развития архетипов

Архетип или ролевая модель, при всей «вневременности» и «надкультурности», являются более или менее специфическими, представляя в сознательном и бессознательном пациента те или иные аспекты в зависимости от времени и пространства его жизни. Один из интересных подходов к учету диахронических и синхронических аспектов ролевых моделей, пониманию культурно-исторических особенностей их форм и содержания, востребованности и реализованности, дает так называемая «спиральная динамика», которая опирается на работы американского психолога и философа 60-х годов XX века Кл. В. Грейвса [7, 21, 29, 39]. Он исследовал «эмерджентные циклические уровни существования», которым подвержены «взрослые биопсихосоциальные системы», полагая, что человеческие сообщества проходят уровни развития, которые проявляются как различные подходы к решению проблем, которые перед ними ставит реальность. При этом описанные им модели поведения изменяются в зависимости от того культурно-исторического пространства, в который попадает человек. Каждая стадия его развития в этом пространстве характеризуется специфической системой ценностей, различным когнитивным настроением («когнитивными очками» или стратегиями понимания себя и мира) и разными моделями поведения. При этом каждый следующий уровень не столько вытесняет предыдущий, сколько наслаивается на него: все предыдущие уровни развития продолжают существовать наряду с самым последним появившимся. Кл. Грейвс утверждал, что в обычных обществах превалирует та или иная парадигма, которая является «когнитивными очками», через которые общество смотрит на мир. Она подвержена изменению, поскольку, помогая обществу решать одни задачи, поднимает перед ним другие, для решения которых необходима смена парадигмы. Этот процесс не случаен и следующая парадигма находится в определенных диалектических отношениях с предыдущей, гипотетически описываемой в виде спирали из двух витков, на которой есть ряд узловых точек. Каждая парадигма не сменяет другую полностью, она лишь вытесняет ее с доминирующих позиций. Этот переход – не просто «ребрендинг», а процесс смены идентичности, не соотносимой друг другом как уровни

развития [39]. Позже Д. Бек и Кр. Коуэн [20, 29, 39] отметили, что сообщества людей являются носителями мемов (когнитивных структур), среди которых особую, определяющую роль играют «ценностные мемы» – в их обозначении, v-memes (values-memes). Мемы-ценности или «супермемы» притягивают мемы более низкого порядка, которые определяют когнитивные привычки, а также поступки как методы решения жизненных задач и проблем, принятых в данном сообществе, в данном возрасте и т. д. (то есть, по сути, ролевые модели). Превалирующий супермем порождает новый супермем, который постепенно вытесняет предыдущий, перемещающийся в «теневые» или маргинальные области массового и индивидуального сознания. Обычно реализуется движение от одного уровня к следующему, расположенному выше на спирали, но возможно и нисходящее движение, «деградация» к ценностям более низкого уровня. Каждый уровень связан со своим супермемом, наделяющим человека своим миропониманием и ценностями: Дикарь – «Физические чувства диктуют условия жизни»; Колдун – «Мир полон опасных и таинственных сил и духовных существ, которых нужно умиротворять, которым нужно поклоняться»; Воин – «Мир – джунгли, в которых побеждают сильные, а слабые им служат»; Монах – «Мир управляется Высшей силой, которая наказывает зло и вознаграждает правильную жизнь»; Предприниматель/Инженер – «Множество ресурсов и возможностей для развития»; Брат – «...гуманность приносит любовь, где общая польза достигается через сопричастность и разделение благ»; Разведчик/Исследователь – «Мир – хаотический организм, в котором изменения – норма, а неопределенность – приемлемое состояние жизни»; Мудрец – «Мир – тонко сбалансированная система переплетающихся сил, равновесие в ответственных руках человека». Каждый уровень характеризуется своим пониманием себя и мира, который влияет на более или менее осознанные устремления (интенции) и выбор моделей поведения (реагирования на проблемы).

Смена уровней происходит, когда перед человеком или обществом накапливаются задачи, которые не могут быть решены в рамках действующего уровня: Дикарь осознает себя как личность, понимает, что выживание требует группового взаимодействия и возможности как-то влиять на неведомые силы мира. В обществе появляется доминантная личность, которая сильнее группы и силой подчиняет реальность, не опасаясь неведомых сил Колдуна; Воин, устав от завоеваний, ищет смысл жизни, становится Монахом; Монах ищет счастья в жизни, множество альтернатив, позволяющих уйти от догмы и немедленно улучшить жизнь; Предприниматель понимает важность коллективизма, недовольство конкуренцией и неравенства; Брат

вынужден искать новые решения и пути в сложной реальности; Исследователь ищет порядок в хаосе, Мудрецу надоедают мудрствования и он «берется за дело» [18, 20, 29]. Д. Бек и К. Уилбер ввели понятие «мастеров спирали» – людей и сообществ, которые достигли «высшего уровня» спирали и обладают способностью контролировать все остальные сообщества. Однако, еще Кл. Грейвс предупреждал, что его уровни – не более продвинутые у менее развитых людей и групп, а просто разные системы ценностей и способы решать задачи, то есть «мастера спирали», в том числе в психотерапии – люди, способные рефлексировать и использовать потенциал каждой стадии и изменения в сообществе для развития человека, его отношений с собой и миром [18, 29, 39]. Описанные Кл. Грейвсом и коллегами особенности миропонимания и интенции изменений каждого из уровней, а также теории поколений могут служить прямыми основами разработки ролевых моделей.

Аналогичная модель моделей поведения разных типов людей, их развития с течением времени, в разных историко-политических периодах, представлена в теории поколений, разработанной У. Штраусом и Н. Хоувом. Они полагают, что существуют «поколенческие циклы», отражающие повторяющуюся модель поведения разных типов поколений, в которых так или иная «возрастная идентичность» доминирует. Люди каждой отдельной возрастной группы (когорты) имеют тенденцию разделять особый набор отношений и ценностей, представлений («когнитивные очки») и моделей поведения и общения, постольку, поскольку они выросли в одинаковых исторических условиях. При этом представители каждого поколения испытывают чувство принадлежности к своему поколению и субъективно разделяют одну историческую эпоху: они сталкиваются с одинаковыми историческими событиями и социальными веяниями, находясь в одних и тех же жизненных фазах; они разделяют определенные общие представления и отношения, а также модели поведения и общения. Поскольку каждый период смены поколений длится 20-25 лет, то четыре периода составляют полный цикл, продолжающийся приблизительно 80-90 лет: его называют сакулой (saeculum) – «естественным веком». По данным обследования долгожителей в 90-лет начинается новый цикл или «естественный век»: циклы имеют свойство повторяться, воспроизводя в индивидуальном развитии стадии молодости-взрослости-старости. Кроме того, в некоторых культурах преобладают люди, психологический возраст которых не поднимается выше детского (многие «примитивные» культуры), а в некоторых (Тибет, Индия) много психологически «старых» людей. Поэтому результирующая различных процессов и слоев взаимоотношений человека с миром очень разнообразна, хотя и не лишена тенденций, учет которых может способствовать разрешению кризисов развития,

межпоколенных конфликтов и кризисов развития цивилизации в целом. В целом исследователи выделяют ряд поколенческих архетипов, которые последовательно повторяются, создавая и поддерживая ритмы цикла кризисов/пробуждений: идеалист, реагирующий, гражданский и приспособляющийся. Опишем ступени цикл и формируемые ими архетипы подробнее [33, р. 84, 101—104]. Итак, четырехступенчатый цикл социальных и настроенческих эр (превращений) включает:

1. Ступень подъема включает пост-кризисный период, при котором институты сильны, а индивидуализм еще слаб: общество полагает, что знает к чему идти, общество стремится объединяться и творить, создавать новое. Однако люди, не включенные в общее движение, часто страдают от необходимости следовать правилам, общим для всех;

2. Ступень пробуждения включает период, когда институты критикуются во имя личной и духовной автономии: как только достигается пика общественного развития, людей начинает «утомлять» дисциплина и единообразие, они стремятся «вернуть» себе индивидуальность или право на нее, часто воспринимая предыдущий период как эпоху культурной и духовной «бедности», ограниченности;

3. Ступень спада характеризует противоположное ступени подъема настроение: институты ослаблены и лишены доверия, индивидуализм процветает: общество разобщено и хочет наслаждаться жизнью;

4. Ступень кризиса, при которой старые институциональные структуры разрушены, а новые созданы заново для выживания нации: государство приходит в себя, культура меняет направление и стремится служить нуждам общества, люди медленно, но верно осознают себя в качестве членов большой группы.

В это время, в конце ступени кризиса и начале ступени подъема, рождается поколение пророков; чаще всего это происходит в период оживления жизни общества и достижения консенсуса по поводу нового социального порядка. Будучи детьми в период пост-кризиса, подъема, пророки избалованны и достигают совершеннолетия «эксцентричными предвестниками» ступени пробуждения. В середине жизни они сосредотачиваются на морали и принципах, чтобы в конце жизни, уже на правах старейшин и духовных лидеров, руководить очередным кризисом. Психологически они остаются юными.

Поколение странников рождается в эпоху пробуждения: это время молодых, время социальных идеалов и духовных исканий, в котором люди, особенно молодёжь, активно критикуют устоявшийся порядок. Странники растут незащищенными детьми, а достигают совершеннолетия в качестве отчужденных от мира людей эпохи спада. Они вырастают

прагматичными взрослыми лидерами в период кризиса и встречают старость с большим запасом жизненных сил и планов. Психологические они формируются как взрослые.

Поколение героев рождается в период спада: это период индивидуального прагматизма. Героям свойственны уверенность в своих силах и позиция невмешательства. Они растут в ситуации гиперопеки, достигая совершеннолетия молодыми оптимистами, ориентированными на интересы группы, а в период кризиса проявляют энергичность и уверенность в себе, достигая политического и иного могущества и полной идентичности в пожилом возрасте, в период очередного пробуждения (психологически они реализуют сценарий пожилого/старого человека). Поколение художников рождается после спада, в кризис: угрозы обществу и государству упрощают отношения в пользу консенсуса, этики и нравственности, а также индивидуальности, принесенных ранее в жертву. Как детей их оберегают занятые кризисом взрослые; художники вырастают высоко социализированными приспособленцами и становятся лидерами, ориентированными на активную деятельность во время пробуждения, превращаясь в «повседневных философов» в эпоху спада. Становление личности героев и пророков приходится на стабильные времена: успевают сформироваться психологический потенциал жизнеутверждения, поэтому во времена грандиозных пертурбаций и коллапсов они входят не просто взрослыми, но и зрелыми людьми, готовыми и способными менять себя и мир. Именно их действия в нестабильные периоды определяют, каким станет общество на следующем витке цикла поколений. Поэтому эти поколения называются доминантными. Герои готовы сражаться за победу и строить новый мир не покладая рук, а пророки – идеалисты и идеологи, – разрушать отжившие и ригидные социальные институты во имя свободы. Рецессивные, «подчиненные» поколения – художники и странники, растут в периоды неопределенности, им не достает внутренних опор и жизнеутверждения и они ищут их вовне. Во время подъема когда социальные институты еще прочны, а индивидуализм слаб, им это удается – рождаются конформисты и приспособленцы, многие из которых всю свою энергию отдают сферам искусства и науки, в которых достигают весьма больших высот (потому поколение и названо художниками), но иные молча «тянут лямку», отражающую «непреложный порядок вещей». Когда же институты ослаблены и дискредитированы, рецессивному поколению не удается найти опору ни в чем, они выбирают путь кочевников, странников, всю жизнь пытаясь найти «путевую звезду». Их жизнь и судьба реактивны: складываются как ответ на то, что с ними происходит. Однако, обычно они не находят ничего, к чему стоит стремиться. Работа с людьми разных поколений, таким образом, необходимо должна учитывать поколенческие

интенции и модели, те проблемы, которые связаны с рождением, жизнью и смертью человека в те или иные периоды времени. В каждый момент времени во внутреннем пространстве – времени человека – одновременно присутствует несколько альтернативных «парадигм» или моделей. В свою очередь, каждая из них порождает семейство шаблонов, которые в совокупности формируют понимание и отношение к различным жизненным проблемам. В течение жизненного цикла каждой модели или парадигмы, она дает начало нескольким другим моделям и парадигмам, которые проходят свой менее продолжительный жизненный цикл – от стадий восхождения до стадий упадка. Задача психотерапевта – связывать пациента с находящимися в стадии апогея мифами или моделями и регулярно «пересаживать» её с «нисходящей», продемонстрировавшей свои ограничения и ошибки, парадигмы на другую, «восходящую», дающую более развитое, полное и точное, понимание себя и мира.

Выводы

Метафора выступает как сигнал и триггер перемен: ее использование так или иначе выявляет зоны, подверженные изменениям и стимулирует сами изменения. Анализ архетипических метафор и более конкретных метафор ролевых моделей позволяет оценить направленность внутреннего движения пациента к реализации той или иной мотивации, интенции, поддержать восходящие и/или притормозить нисходящие интенции. В техническом выражении это означает использование методик типа «рыбалка» и «дорога их хлебных крошек» Э. Минделл, «усилитель слабых сигналов» или анализ и трансформацию архетипических и ролевых структур отношений человека к себе и миру, стоящих за ними «парадигм» миропониманий, применение методик, подобных анализу проективных методик, в том числе разработанной нами для оптимизации обработки данных ТАТ, теста «Кто Я?» и иных проективных методик, «правила трех» [2, 15, 21, 31]. В сжатом виде смысл последней методики связан с тем, что первые ответы (фраза человека, компонент фразы, любой более-менее законченный смысловой компонент текста как таковой) чаще всего отражают непосредственное содержание сознания респондента, «нисходящую» смысловую парадигму его жизнедеятельности. Это, по сути, его устаревшая социальная маска – способ представления себя другим людям, привычный способ самосознания и, вместе с тем – некоторый специально сконструированный для демонстрации другим, устаревший, как и все стереотипы, способ понимания и преобразования стоящих перед субъектом проблем (ситуаций). После того, как пациент «выговорил маски», обычно это – третий-четвертый ответы (фрагменты высказывания), как правило, отражает сущность актуальной психологической проблемы (задачи), которая стоит перед человеком и требует решения («истинное, но

проблемное намерение»), существо актуальной, «восходящей» смысловой парадигмы жизнедеятельности, поиск человеком «нового себя». В случае намеренного обмана в третьей позиции можно увидеть реальное намерение собеседника, скрытое «маской» декларируемых ранее – в первой и второй позициях – целей. При этом обычно следующее – четвертое высказывание компонент уточняет суть проблемы (скрываемой информации). Последний ответ, все разу и компоненты поведения – это ответ-резюме человека о ситуации или самом себе, и, вместе с тем, это – новый, перспективный способ решения проблемы, который требует осмысления и развернутой реализации. Это обозначение той ролевой модели, которая может помочь человеку разрешить трудности «восхождения». В каком-то смысле – это более или менее свернутая программа действий. Использование данной методики, при всем удобстве и компактности, требует от специалиста хорошего знания самого себя, высокой квалификации: индивидуальный подход, эмпатия и интеллект самого психотерапевта, его готовность и способность видеть «правду» человека, жизни, самого себя [2]. Используя в общении с пациентом метафоры «третьего» и «последнего» ответов, можно существенно продвинуться на пути преобразования. Сама методика при этом обладает свойствами самоподобия, а ее применение в ходе профессиональных и иных тренингов и групп личностного роста – практически гарантирует интенсивные продуктивные изменения в состоянии пациентов.

Кроме того, представление о «слабых», интертекстовых и межтекстовых сигналах легло в основу разработанных нами сказок [3]. В них «слабые сигналы» обретают свои собственные имена: понятие, самое простое и обычное, становится Метафорой другого понятия или целой группы понятий: метафоры Пути, Света, Любви, Перемен и т.д. – заполняют пространство сказок таким образом, что, по сути, действуют, наряду с основными персонажами. Они – герои среди героев. Таким образом, пациент как читатель настраивается на то, что история, которую он будет изучать, имеет гораздо больше смыслов, чем это могло бы показаться: он сам становится ищущим и осмысляющим метафоры, с которыми вступает в резонанс в процессе сказкотерапии.

References:

- [1] Analytical psychology: Past and present / by C. G. Jung, E. Samuels, V. Odajnyk. Comp. VI. Zelensky, A. M. Rutkevich. – Moscow : Martis, 1995. – 320 p. (In Russian)
- [2] Arpentieva, M. R. Understanding as a phenomenon of interpersonal relations (on the material of psychological counseling). Diss. ... doctor. the course of studies. Sciences. – M.: Moscow state University, 2015. – 497 p. (In Russian)

Education Transformation Issues ISPC #4 2016

- [3] Arpentieva, M. R. Fairytale therapy in the development of an understanding of themselves and the world / . Ed. by M. R. Arpentieva. – Kaluga: KSU, 2016. – 792c. (In Russian)
- [4] Bazhov, P. P. Ural tales. – Moscow : Zenit, 1993. – 336 p. (In Russian)
- [5] Bakurova, O. N. Sensitivity to the issue: psychological approaches to the definition and study // Herald of the Kaluga state University. – 2015. – № 3. – P. 82-90. (In Russian)
- [6] Bateson, G. Ecology of mind. – M : Meaning. 2000. – 476 p. (In Russian)
- [7] Beck, D., Cowan C.. Spiral dynamics. Driving values, leadership and changes in the XXI century. – M. : Open-World; Best Business Books, 2010. – 424 p. (In Russian)
- [8] Van Rij, V. Emerging trends and wild cards as the tools of forming and changing the future // Foresight-Russia. – 2012. – V. 6. – No. 1. – C. 60-73. (In Russian)
- [9] Zinkevich-Evstigneeva, T. D. the Path of magic (theory and practice of fairy tale therapy). – SPb. : Peter, 1998. - 140 p (In Russian)
- [10] Zinkevich-Evstigneeva T. D. Master of fairy tales. 50 stories per through reflections on life, people and myself for adults and children over 7 years. – SPb. : Speech. 2012. 220 p. (In Russian)
- [11] Zinkevich-Evstigneeva, T. D. Workshop on fairy tale therapy. – SPb. : It, 2013. – 230 p. (In Russian)
- [12] Leskov, N. Lefty C. collected works in 5 volumes vol. 3. – Moscow : Pravda, 1981. – 310c. (In Russian)
- [13] Mark, M., Pearson K. The Hero and rebel. – SPb. : Peter, 2005. – 336 p. (In Russian)
- [14] Meadows D. L. From competition to cooperation: Practical. a guide to active methods in environmental education D. L. meadows and others – M. : RKHTU im. D. I. Mendeleev, 1999. – 237 p. (In Russian)
- [15] Mindell, E. Psychotherapy as a spiritual practice. – M. : NF «Class», 1997. – 160 p. (In Russian)
- [16] Minigalieva, M. R. Cognitive schemas and heuristic processes in social cognition // The World of psychology. – 1999. – No. 3. – P. 37 – 46. (In Russian)
- [17] Packard, V. Psychoanalysis in advertising // Psychology and psychoanalysis in advertising: Personality-oriented approach. – Samara : Bakhrakh-M, 2001. – P. 415 – 443. (In Russian)
- [18] Pekar, V. Colorful worlds / V. Pekar // personnel Management – Ukraine. – 2010. – № 10 (204). – C. 56 – 67. (In Russian)
- [19] Prigogine, I., Stengers I.. Order out of chaos: man's New dialogue with nature / Total. edited by V. I. Arshinov, Y. L. Klimontovich and Y. V. Sachkov. – M. : Progress, 1986. – 432 p. (In Russian)

Education Transformation Issues ISPC #4 2016

- [20] Wilber, K. Integral spirituality: a New role for religion in the modern and postmodern world. – M. : Apractic, 2013. – C. 1-34. (In Russian)
- [21] Ufimtsev, R. Shimmering zone / Ufimtsev R. – Kaliningrad: Atelier ER, 2009. – 29 p. (In Russian)
- [22] Franz, von M-L. Divination and synchronicity. Psychology significant event / Von M-L., Franz.– SPb. : B. S. K., 1998. – 107 p. (In Russian)
- [23] Forrester, J., Render J., Meadows D., Behrens W. // Modern problems of Cybernetics: Sat. articles // Knowledge. Ser. Mathematics and Cybernetics. – 1977. – No. 7. – 45p. (In Russian)
- [24] Fromm E. the Forgotten language. Introduction to the science of the understanding of dreams, fairy tales, myths.... – M. : Progress, 1994; Moscow : AST, 2010. – 624 p. (In Russian)
- [25] Khlebnikov, S.A. the Use of archetypes of K. G. Jung in order of positioning of the territorial brand // Fundamental research. – 2013. – No. 10-11. – P. 184 – 187. (In Russian)
- [26] Chernyshov, A. V. Russian archetypes in branding and the effectiveness of television advertising. Abstract. Diss... kand. sociology. Sciences. – Nizhny Novgorod : . I. Lobachevskogo NSU N, 2011. – 22 p. (In Russian)
- [27] Yung K. Soul and myth. Six archetypes. – Kiev, 1996. – 236 p. (In Russian)
- [28] Jung, C. G. Synchronic Studies. – M. : «Refl-book», K : «Vakler», 2003. – 320 p. (In Russian)
- [29] Beck, D. E., Spiral dynamics: mastering values, leadership, and change / D. E. Beck, C. C. Cowan – New Jersey: Blackwell Publishing, Inc, 2000. – 335p.
- [30] Briggs-Myers I., McCaulley M.H., Quenk N.L., Hammer A.L. Manual: A Guide to the Development and Use of the Myers-Briggs Type Indicator. – Palo Alto, Calif. : Consulting Psychologists Press, 1998. – 420p. (In Russian)
- [31] Harris, D. & Zeisler St. Weak signals: Detecting the next big thing // The Futurist. – 2002. –V. 36 (6). – P. 21 – 29.
- [32] Hilborn, R.C. Sea gulls, butterflies, and grasshoppers: A brief history of the butterfly effect in nonlinear dynamics // American Journal of Physics. – 2004. – V.72 (4). – P. 425 – 427.
- [33] Howe N., Strauss W. The Fourth Turning. – New York: Broadway Books, 1997. – 400 p.
- [34] Lewin, R. Complexity: Life at the Edge of Chaos. – Chicago: University of Chicago Press, 2000. – 242p.
- [35] Lorenz, E. N. Predictability: does the flap of a butterfly's wings in Brazil set off a tornado in Texas? // 139th Annual Meeting of the American Association for the Advancement of Science (29 Dec 1972).

Education Transformation Issues ISPC #4 2016

- N.-Y.: American Association for the Advancement of Science, 1972 in
Essence of Chaos. – 1995. – Appendix 1. - P.181.
- [36]Loveridge, D. Foresight: The Art and Science of Anticipating the
Future. – N.-Y.: Routledge. 2009. – 420p.
- [37]Meadows, D. H. Leverage Points: Places to Intervene in a System. –
N.-Y.: The Sustainability Institute, 1999. – 21p.
- [38]Scheffer, M., Bascompte, J., Brock, W. A., Brovkin, V., Carpenter, S.
R., Dakos, V., Held, H., van Ness, E. H., Rietkerk, M. & Sugihara, G.
Early-warning signals for critical transitions // Nature. – 2009. –
V.461. – P. 53-59.
- [39]The Never Ending Quest: Dr. Clare W. Graves Explores Human
Nature / Cowan Ch. C. and N. Todorovic (eds.). – Santa Barbara, CA :
ECLET Publishing, 2005. – 570 p.

Arpentieva M.R.

TO THE PROBLEM OF SOCIO- PSYCHOLOGICAL COUNSELLING

Arpentieva M.R., Russian Federation, senior researcher of the department of development and education psychology, Tsiolkovskiy Kaluga State University, doctor of psychological Sciences, associate professor

Abstract

The article is devoted to consideration of the characteristics and problems of the study of socio-psychological counselling as one of the key technologies of social work in Russia, including problem definition and development of a unified concept of socio-psychological counselling, its relationships with clinical-psychological and age-psychological counselling. Discusses the main challenges and intentions of socio-psychological counseling as a sphere of human relations, cooperation and understanding. Age-related psychological counseling and clinical counseling pay special attention to the role of biological processes and foundations of development (biological aspects of norm and pathology). Counselling in social work and socio-psychological counseling, pay attention to the role of social processes and human development (social aspects of norm and pathology). The problems faced by clients can be described as a problem associated primarily with disorders and difficulties understanding social situations, yourself or others in intimate and personal, business and other types of relations, localized on the value and role, meaning and directly interactive levels of life. The goal of counseling is to help clients understand what is happening in their environment and intelligently to reach the goal based on informed choice in the resolution of life problems and their psychological aspects of personal and interpersonal nature. Productive counselling are usually aim at broadening and deepening understanding and relations aware of objects. But, in some cases, as a more or less permanent effect, experience the loss of the subject of a voluminous understanding of what is happening with him and with other people significant narrowing of the categories and aspects of comprehension to understand. This may be result of the destructive trends in the counselling, including traumas and conflicts in the process of communication, incorrect, unprofessional consultant, and the essential effect connected with re-centration and de-focus. This loss can also be